

Невостребованные

Спасая собак, люди спасают себя. Репортаж из Бурятии, откуда волонтеры вывозят животных, приговоренных к смерти

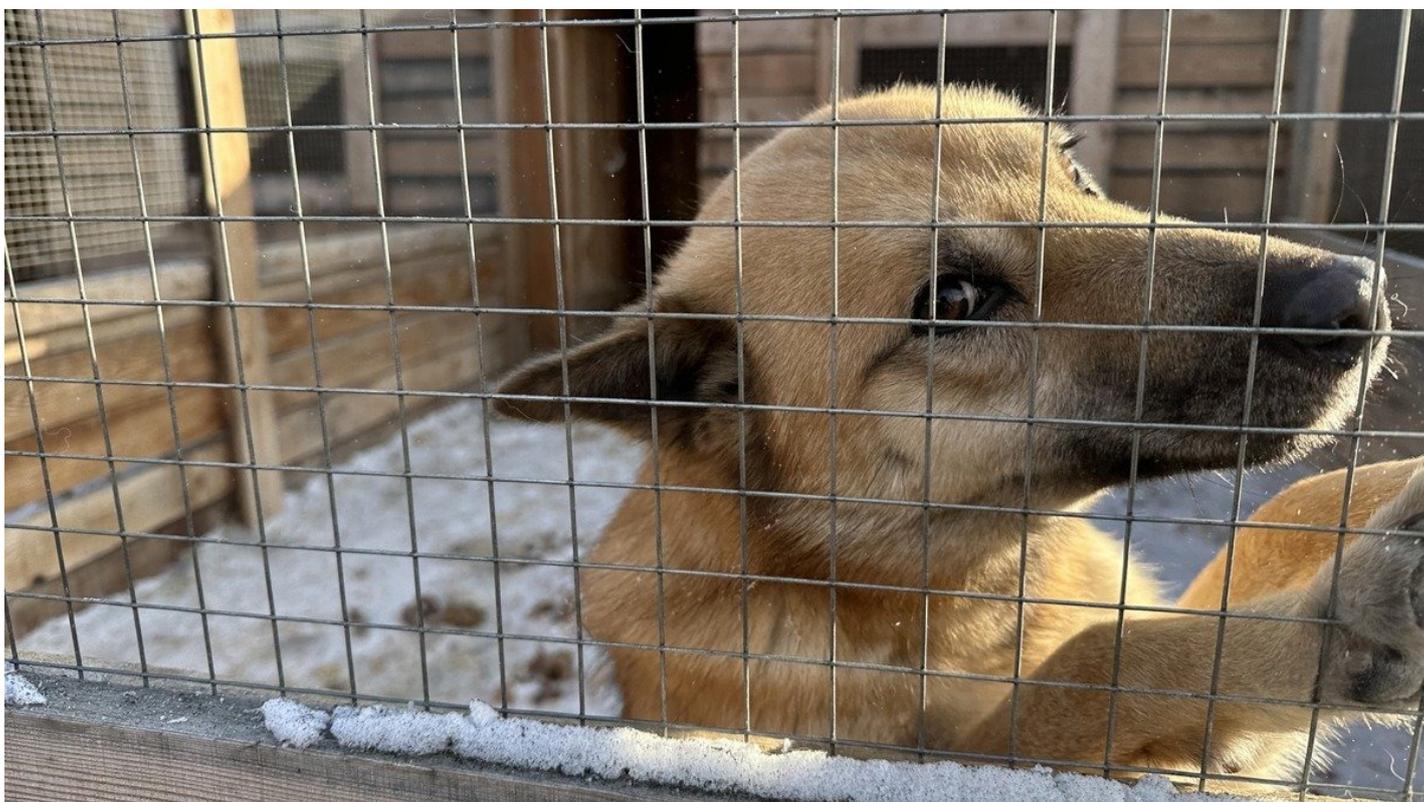

Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

07:55, 26 января 2024,

Ирина Воробьева

журналист

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Приют на несколько тысяч собак описать сложно. Звуки сливаются в одну большую волну лая, вокруг крутятся собаки, запах бьет в нос даже на морозном воздухе. Ничего невозможно разглядеть, потому что смотреть нужно все время только под ноги — чтобы не наступить на лапу или хвост и не вляпаться в экскременты. Это приют «Ананда» — один из самых больших в Бурятии.

...Собаки оказываются на улице только по вине людей — всегда. Выброшенные псы, сбежавшие от хозяев или родившиеся на улице. Люди избавляются от собак с удивительной жестокостью: привязывая к заборам, оставляя где-то подальше от дома... Пес рвется к хозяину, пытается догнать машину или просто орет от горя.

Собаки оказываются в приюте после отлова, если у них нет чипа или адресника, и хозяина найти не получается.

Рожденные на улице собаки появляются, потому что нет внятной программы стерилизации. И рождаются часто от домашних собак, которых выпускают на самовыгул.

Собаки — «непродуктивные животные». Официальная формулировка означает лишь то, что их не едят. Но теперь в закон попало еще одно слово — «невыстребованные». Это те, кто без чипа и бирки или зарегистрированы на государство.

Собака в приюте «Ананда». Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

До прошлого года в Республике Бурятия действовал указ главы: программа ОСВВ (отлов, стерилизация, вакцинация, выпуск) реализуется без последнего пункта — выпуска. Возвращать в среду обитания собак выше 25 см в холке нельзя, а таких в Бурятии немало. И собачьи приюты «распухли». Действовали муниципальные контракты — на отлов и на содержание, и все это финансировалось государством, а вот дальнейшая судьба хвостов — вне тюрьмы приюта — власти не заботила, да и денег на это не выделялось.

Зоозащитники оспорили указ, чтобы животных можно было выпускать обратно после стерилизации. Суд встал на их сторону, документ отменили. И — вот ведь как «совпало» — в тот же момент перестали действовать муниципальные контракты на содержание животных: вся финансовая нагрузка легла на частные приюты. Да, указ отменили, но нельзя же

взять и выпустить разом несколько тысяч собак на улицы...

Тут вот еще что: все отловленные собаки, если не зарегистрированы на конкретного человека или организацию, принадлежат государству. В прямом смысле слова «принадлежат», поскольку и домашних животных (собак, кошек, грызунов) законодательство определяет как имущество. А зачем властям такое «имущество», которое много ест? От него решили избавиться — утилизировать.

Впрочем, в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными» (ФЗ № 498) сказано, что эвтаназия здоровых животных запрещена. Это очень понятный запрет, адресованный в том числе и людям, которые приносят в ветеринарную клинику своих животных потому, что больше не хотят с ними жить — просят усыпить.

Но в 2023-м в этот закон внесли поправки: предложили регионам самим решать, как работать с проблемой бездомных животных. Несколько регионов, среди которых Астраханская и Магаданская области, республики Алтай и Бурятия, Забайкальский край постановили: спустя 30 дней «невостребованных» собак должны умерщвлять.

Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

Подавляющее большинство отловленных собак, если и зарегистрированы, то на государство, которому они больше не нужны. Теперь эти животные «не востребованные». Тысячи собак. Закон вступил в силу в ноябре прошлого года, а 10 января в одном из приютов — «Ананда» — усыпили первых 18. Точнее, первых, о которых известно.

Зоозащитники и волонтеры в попытках спасти животных от смерти вынуждены регистрировать десятки и сотни собак на себя, вывозить их в иные регионы и спешно пристраивать в семьи и другие приюты.

Ученик Будды

В приюте «Ананда» сейчас, по словам волонтеров, порядка 2000 собак. В прошлом году их было около 3000. Территория приюта

огромна. Вольеры, в которых содержатся псы, — уличные боксы разного размера. Часть животных живет в будках на цепи, некоторые — в клетках, стоящих в ангаре (который замерз в эту зиму). «Ананда» в плохом состоянии. В ангаре ужасный запах, он въедается в одежду и кожу намертво. Часть территории покрыта слоями экскрементов, в некоторых вольерах — ледяные горы из них. Попадаются истощенные собаки. Достаточно пройти с включенной на телефоне камерой, чтобы зритель замер от ужаса.

Чтобы объяснить, как так вышло, нужно постараться представить себе 3000 собак в одном месте. Каждый день нужно обходить их всех, чтобы покормить, налить воды — это работа на несколько человек. Сейчас зима, и необходимо раскладывать сено, чтобы собаки не замерзли. Чистить вольеры — самая сложная задача, и она тоже требует ресурсов. Не говоря уже о ветеринарном уходе.

Частный приют «Ананда». Съемка: Сандык Булдаев

В «Ананде» говорят, что таких ресурсов у них не было, поэтому приют и превратился в страшное место. Сейчас им выписали

предписание: устранить все нарушения (а их много) до 21 января, иначе последуют санкции.

Наргиза Муминова известна многим зоозащитникам в Бурятии и за ее пределами, она говорит, что в приюте «Ананда» только в качестве волонтера. Хотя по факту все управление приютом — на ней.

Разговариваем с ней в теплом домике, куда постоянно заходят работники. Это волонтеры или нанятые служащие, что чипируют животных. Под ногами крутятся несколько собак, по спинке лавочки разгуливает кошка. Наргиза в тяжелом положении. Тысячи собак в приюте оказались под угрозой смерти. Нужно одновременно решать вопросы прокорма всех хвостов, перерегистрации, устранения нарушений и приведения приюта в должный вид, а еще отбиваться от претензий и вопросов в многочисленных чатах, взаимодействовать разом со всеми волонтерами, которые собак вывозят.

Наргиза Муминова. Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

Несмотря ни на что, Муминова пускает меня с камерой в «Ананду», отвечает на вопросы, хоть и видно, что часть ответов ей дается сложно.

«Приходят блогеры, снимают, показывают... И что дальше? Нам помощь нужна, а не крики. Я понимаю, в таком состоянии приют оставлять нельзя. Мы пытаемся сейчас все наладить. А собак отдавать мне сложно. Их здесь сотни, но все мои. Приют называется «Ананда» — в честь одного из учеников Будды».

Клич о помощи в «Ананде» пустили еще в прошлом году, когда службы отлова все привозили и привозили собак, а финансирования уже не было. Все собственные средства приюта пошли на прокорм животных, сотрудникам платить стало нечем. Жуткие ролики из приюта разлетелись по соцсетям, один из них попался на глаза блогеру Раде Русских. Она предприниматель, а теперь еще и намерена принять участие в президентской гонке.

Русских с командой приехала в Бурятию сфотографировать собак, чтобы проще было пристроить, но обнаружила такое, что цель пришлось менять на ходу.

«У меня ощущение было, что мы с передовой вернулись, потому что ходили и смотрели на трупы собак. Я не знаю, сколько времени собаки были уже в голоде, но в тот момент, когда мы приехали, это было как в концлагере. Тела погибших от голода собак... они весят, наверное, килограмм по пять, ребра торчат, шерсть, а внутри пустота, они — как мумии. У волонтеров, которые туда приходили, ломалась психика (...). У нас были одни представления о приютах, а тогда мы увидели

реальность».

Из соцсетей Рады Русских

Русских помогла приюту: в «Ананде» появились деньги для работников, закупали сено и корм. Но быстро стало понятно, что такой большой приют и в таком состоянии — черная дыра, его нужно разгружать. Сейчас в Улан-Удэ Русских строит свой приют. Формальный хозяин и руководитель «Ананды» — некто Вячеслав Самбуев. За те два дня, что я провела в приюте, он не появился ни разу.

Почти каждый день из приюта увозят собак,

которых смогли пристроить в семьи или передать на передержку в другие регионы России.

Процесс длительный и поэтапный. Сначала собак, которых можно вывозить, отселяют в отдельные вольеры. Затем волонтеры их фотографируют и отправляют снимки туда, где можно найти им дом. Как только принимающая сторона соглашается забрать конкретных псов, приходит время логистики — поиск подходящего поезда. Затем на каждую собаку нужно составить договор о передаче, для чего считать каждой чип и заполнить данные с бирки на ухе. Всем надеть ошейники и прицепить поводок. Потом погрузить в машины и доставить на вокзал.

Ошейники для пристроенных собак. Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

Спасательные поезда

05.30 утра. Улан-Удэ. Волонтер Екатерина Серебренникова

подхватывает меня на машине по дороге на вокзал. В это утро во Владивосток отправятся 12 собак. У Кати маленький ребенок и работа. Но в ноябре прошлого года, увидев, что происходит с собаками в «Ананде», и понимая, что многих из них усыпят, поехала туда как волонтер. Сейчас Катя занимается вывозом собак вместе с небольшой командой таких же волонтеров. Показывает мне фотогалерею телефона и смеется: «У нормальных людей там дети, селфи, может, красота какая, а у меня сплошные собаки, собаки, чеки и снова собаки».

На вокзале ровно в назначенное время собираются 14 человек. Это люди, которые откликнулись на просьбу помочь довести или донести собак от машин до вагона. Пожилая пара, студенты, волонтер из Перми — все они соберутся буквально на полчаса, доставят собак до поезда и разойдутся. «Есть кусачки!» — говорит Катя пришедшим людям, имея в виду не инструмент, а собак, которые в стрессе могут кусаться.

Процессия выглядит нелепо, но трогательно. Перепуганный молодой человек несет в одеяле не менее перепуганную собаку совсем небольшого размера. Это как раз «кусачка», но сейчас она сидит на руках смирно.

Пожилая хрупкая женщина ласково уговаривает большую лохматую собаку пойти с ней и не переживать, ведь «скоро все будет хорошо, маленький!» Некоторые собаки начинают метаться, неожиданно ошалев и от большого и очень шумного пространства, и от массы непривычных запахов.

Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

На улице мороз, собаки трясутся от стресса и холода, проводники поезда ловко забирают из рук волонтеров каждого пса. Следом за хвостами отдаются корм и документы. «Покормим, попоим, поедут в тепле, довезем», — успокаивает проводница волонтеров. Волонтеры машут руками отходящему поезду, желая хвостам удачи в новой жизни. Во Владивостоке их тоже ждут волонтеры и сотрудники приюта.

Собаки разъезжаются во множество российских городов — туда, где их готовы принять...

...04.56 утра. Москва, Ярославский вокзал. Юлия подходит к вагону и стучит в дверь. Проводник спрашивает, какая собака. «С черной головой, лохматая». «А!» — радостно восклицает тот и исчезает внутри. Появляется пассажир — небольшая черно-белая лохматая собака боязливо выходит на перрон. Она

преодолела путь в четыре тысячи километров. Проводник увлеченно рассказывает, что с другими собаками этот пес не очень приветлив, а вот людей обожает. Юлия берет собаку на руки и несет к такси. Эту девочку теперь зовут Шелли. И у нее планы на сегодня — отмыться после приюта и дороги и посетить ветеринара.

Шелли. Фото: Анастасия Цицинова / «Новая газета»

В судьбе Шелли поучаствовало очень много людей, сделав возможным ее большое путешествие из вольера в бурятском приюте «Ананда» до дивана в московской квартире.

В воспитательных целях

В Верховном суде Республики Бурятия начали рассматривать по существу коллективный иск против принятого закона, предусматривающего эвтаназию животных. Ответчики — представители Народного хурала, администрация главы республики и управление ветеринарии. Представители истцов — адвокаты, в том числе из Москвы и Новосибирска. Все три иска объединили в один.

Судья заслушивает исковые требования, задает много вопросов и, кажется, пытается разобраться в ситуации очень подробно. Истцы утверждают, что новый закон противоречит почти всему: Конституции, Федеральному закону, а в некоторых пунктах даже и сам себе.

В коридоре суда внезапно — конфликт.

Журналист бросает в воздух фразу: до каких пор собаки будут убивать людей. Зоозащитники вступают с ним в перепалку. Эмоциональный накал понятен.

С одной стороны, люди напуганы стаями собак на улицах и заголовками в СМИ из серии «бездомная собака снова напала на ребенка». И такие сообщения появляются не на пустом месте: нападения действительно происходят, и агрессивные животные — не выдумка. Другой вопрос, что каждый случай стоит разбирать детально, потому что часто выясняется, что собаки были не бездомными, а хозяйскими.

Суд по иску против принятого закона об усыплении бесхозных собак. Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

С другой стороны, те, кто пытается спасти животных от людской жестокости, понимают, что собаки сами это сделать не могут. Тут как раз дело за государством. Но получилось в итоге так, что после вмешательства властей за все теперь отвечают как раз собаки. И некоторые — жизнью.

«Если частный приют или кто-то желает содержать собак — пожалуйста, содержите. Единственное — это будет не государственный приют. Мы будем отлавливать собак, месяц их держать в пункте временного размещения. В течение этого времени либо хозяин найдется, либо желающий эту собаку забрать, либо частный приют, готовый держать собаку пожизненно. Мы не ограничиваем возможности. Но мы не готовы перекладывать на бюджет республики квазибизнес по пожизненному содержанию собак», — так глава республики Алексей Цыденов прокомментировал принятие закона об эвтаназии невостребованных животных.

Нехорошо заниматься интерпретацией чужих слов, но на мои вопросы Цыденов отвечать не стал, его пресс-служба сообщила,

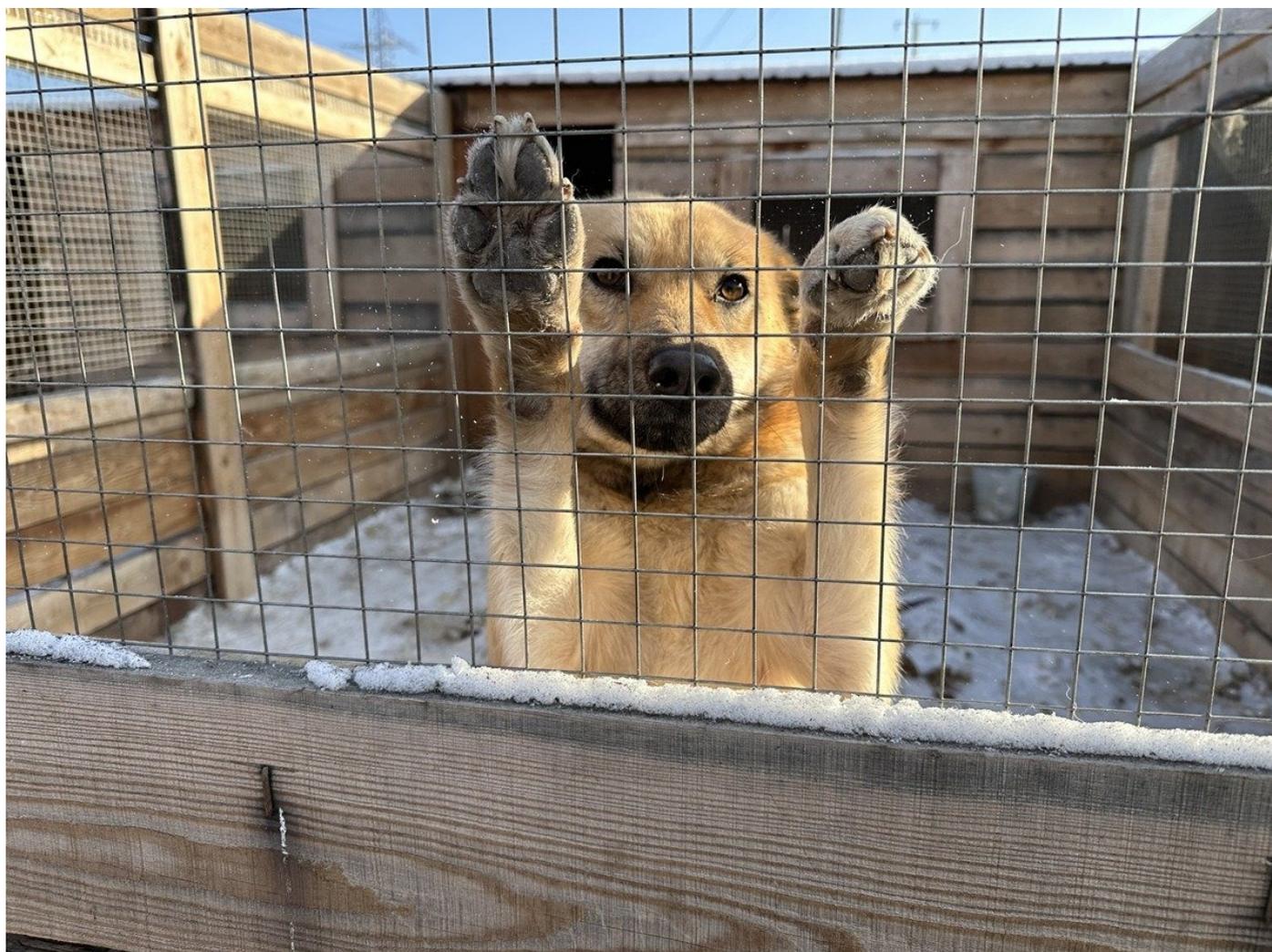
что он очень занят. Так что

позицию властей я поняла таким образом: республика не хочет нести ответственность за ситуацию и готова просто с собаками расправиться. А те, кто против убийств, пусть берут затраты на себя и спасают псов, как хотят и могут.

Впрочем, про «квазибизнес» с Цыденовым трудно не согласиться, правда, применив иную оптику. В деле отлова и содержания бездомных собак действительно множество нарушений и преступлений. Но задача по контролю за соблюдением законодательства, в том числе и о защите животных, тоже вроде как лежит на государственных органах.

На заседании суда от имени главы республики говорит представитель. Из ее слов мы узнаем, например, что в Москве с морозами дела обстоят лучше, чем в Бурятии, а собаки, у которых есть дом, доживают до 30 лет. «Принимая закон об эвтаназии, мы полагаем, что он может иметь большую воспитательную роль для человека. То есть, выкидывая животное, человек будет знать, что в случае, если он откажется от него, оно будет умерщвлено. Полагаем, что это поможет воспитать в человеке чувства, которые должны быть у любого нормального хозяина», — зачитывает позицию властей представитель главы Раджана Дырхеева.

Учить людей гуманизму и ответственности реальной угрозой смерти — без сомнения, новый уровень педагогической мысли. Может быть, тогда процесс умерщвления «в воспитательных целях» сразу транслировать по телевизору в прайм-тайм?

Пес в приюте «Ананда». Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

Защитник Сергей Егоров занимается вопросами животных по всей стране. В этом заседании он выступает в качестве одного из истцов. Егоров в своем иске обращает внимание на то, что новый закон противоречит и Конституции, и Федеральному закону об обращении с животными, поэтому просит его полностью отменить. «Отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания, ответственность человека за судьбу животного, воспитание в населении нравственного и гуманного отношения к животным — ни один из принципов, указанных в федеральном законодательстве, не отражен в региональном законе, — говорит Егоров. — Читать документы — это одно. А когда тебе в суде живые люди говорят, что убить животное — нормально, это для меня неприемлемо. Убить несколько тысяч собак просто потому, что они невостребованы... и таким образом нам говорят, что дисциплинируют местное население в

обращении с животными, я здесь просто не вижу никакой логики».

10 января

Из выступления в суде представителя ветеринарных властей мы узнаем две новости. Во-первых, в Республике Бурятия уже открыты пять пунктов временного содержания собак. По описанию функций они почти ничем не отличаются от приютов. Но собаки, зарегистрированные именно там, по истечении 30 дней будут подвергаться эвтаназии. Один из этих ПВС — прямо на территории приюта «Ананда».

Во-вторых, оказывается, что

усыпление 18 собак в «Ананде» 10 января было произведено после обращения Вячеслава Самбуева — неуловимого директора приюта. Связаться с ним и задать вопросы не удалось: ни на звонки, ни на сообщения он не ответил.

Где именно на территории приюта открыт ПВС, не уточнялось.

Волонтер Наргиза на мои вопросы о том, что случилось 10 января, отвечает сухо и уклончиво. Мол, ее не было в тот момент, а эти 18 собак ни на кого не зарегистрированы, а значит, государство имело право делать все что угодно. (Сейчас стало известно, что управление Россельхознадзора объявило о проведении проверки по поводу проведенной эвтаназии в приюте «Ананда».)

Возрождение

«Ананда» — не единственный большой частный приют в Бурятии. И это хорошая новость, иначе получится совсем темными красками про частные приюты.

Приют «Возрождение» находится в отдалении от жилья, как и все остальные такие места. На улице мороз, дороги раскатыны в лед, так что по прямой на сопку забраться нельзя, приходится объезжать. Здесь тоже очень большая территория, и в приюте около 3000 собак. Прямо перед Новым годом ловцы привезли несколько сотен хвостов. «Это было очень сложно, — вспоминает волонтер Татьяна Никифорова. — Сначала пришлось селить по многу псов в один вольер, при таком перенаселении неизбежны драки. Так что все новогодние праздники мы строили новые вольеры, пытались понять, кого к кому подселить».

Приют «Возрождение». Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

...Просторные ряды деревянных вольеров... Где-то собаки очень контактные: прыгают на сетку, пытаются носом дотянуться до руки, лезут в объятия и отчаянно виляют хвостами. Выдерживать взгляд такой собаки невыносимо... Часть хвостов

спит, свернувшись в клубки по углам, гости им не нравятся. И понять их можно: чаще всего за всю их жизнь люди не сделали им ничего хорошего.

Притормаживаю перед входом в ветблок. Мне страшно туда заходить. Но это оказывается теплым и чистым помещением с несколькими десятками клеток, где разного размера и возраста собаки и кошки — и никаких загнивших бинтов или пеленок.

А в еще одном домике обнаруживается козел. Большой, с мощными рогами и длинной шерстью. В изумлении смотрю на волонтеров. «Он ритуальный, его списали, а мы приютили». Рядом в клетках — индюк, свиньи, кролики и овца. Все животные в этом приюте зарегистрированы не на государство, им не грозит усыпление. Но, как мне кажется, все равно собаки не должны заканчивать свою жизнь пусть и в чистом, но маленьком уличном вольере.

Фото: Ирина Воробьева / «Новая газета»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Последняя скрепа](#)

И дело не в погибшем коте Твиксе, а в отношении к беззащитным, забота о которых может спасти нас от расчеловечивания

15:39, 23 января 2024, Валерий Ширяев